

Джон Китс

(Keats, John)

(1795–1821)

самый молодой из крупнейших английских стихотворцев эры романтизма. Просторное признание пришло к нему лишь после выхода в свет (1848) его автобиографии и издания сочинений.

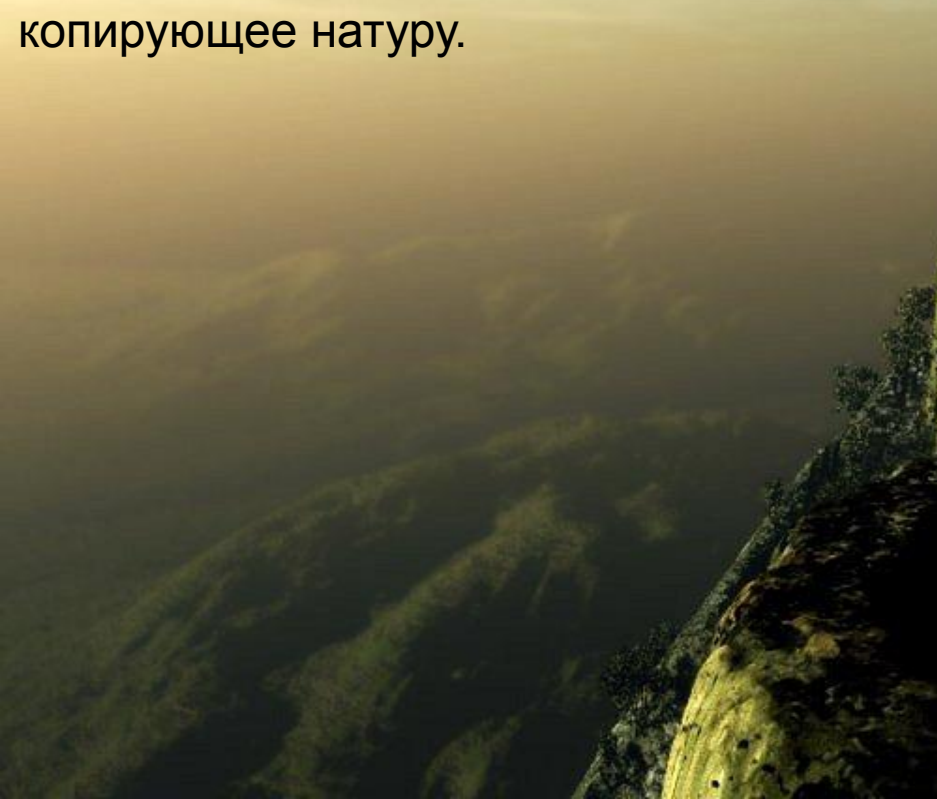
Уродился 31 октября 1795 в Финсбери, северной части Лондона; взрослый брат Т. Китса, труженика на платной клоаке, потом ее правителя – после женитьбы на доченьки обладателя. У Джона было трое сынов (один из них преставился в младенчестве) и сестренка. Папа Китса погиб в апреле 1804, мама всего через десять недель повторно вышла замуж, и мальчики вырастали десять сезонов в основном под заботой повитухи со сторонки матери. Мама Китса преставилась в 1810 от чахотки, которая впоследствии свела в могилку всех ее братьев.

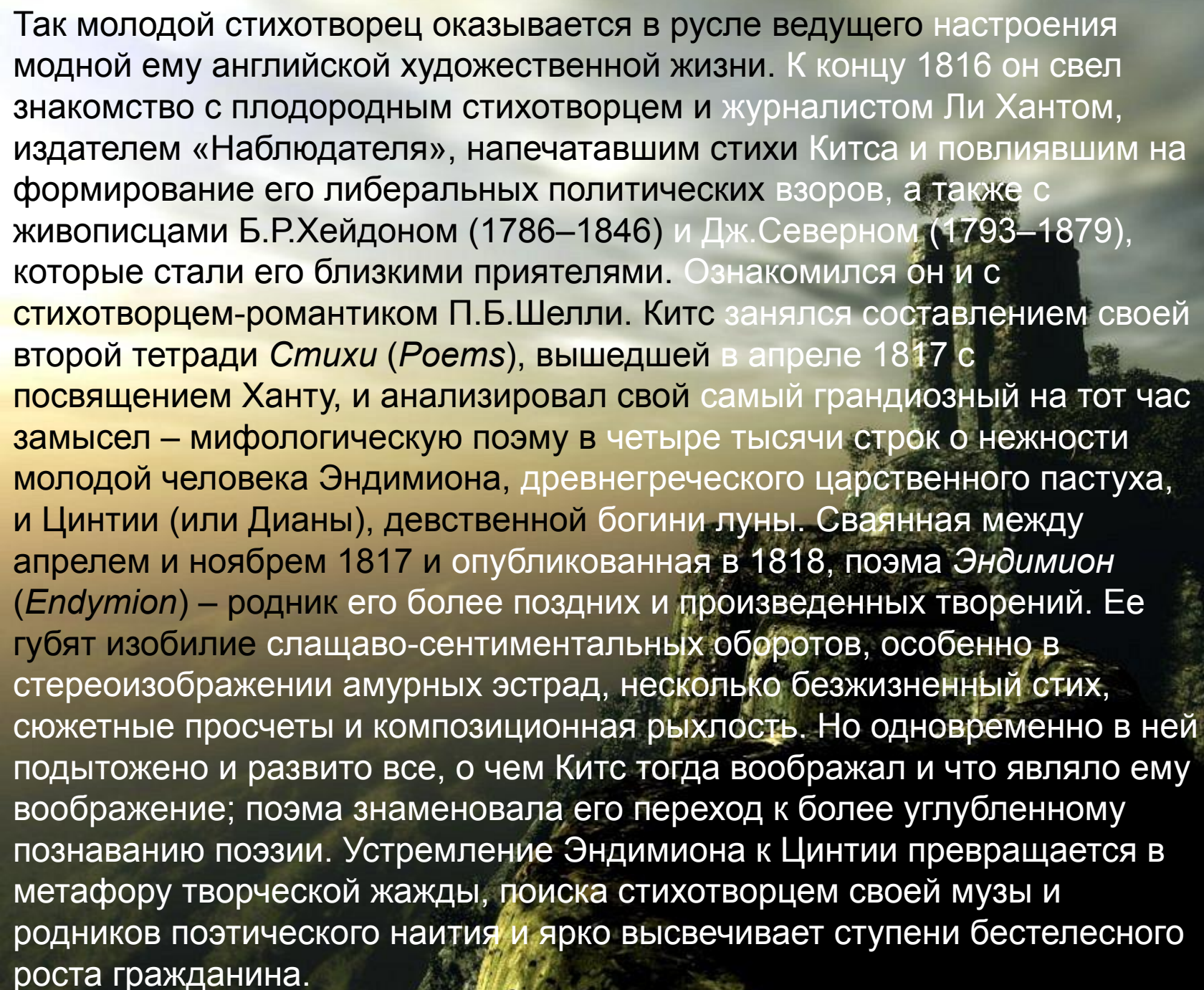

В 1803–1811 Китс учился в школе в соседнем Энфилде. В 1811 он на четыре сезона определился в абитуриенты к хирургу. Эти сезоны отмечены повышающимся вопросом к поэзии; свое второе стихотворение он написал в 1814. В 1816 он отдал экзамены на доктора и фармацевта, но именно с этим сезоном связано происхождение его становления как стихотворца. В мае Китс впервые опубликовал свое стихотворение, сонет *К одиночеству*, и в этом же сезону написал еще несколько сонетов и два внушительных стихотворения: *Я вышел на пригорок – и замерз* ($\frac{1}{4}$) и *Сон и Поэзия*. Спустя сезон он решительно отвернулся от медицинской карьеры.

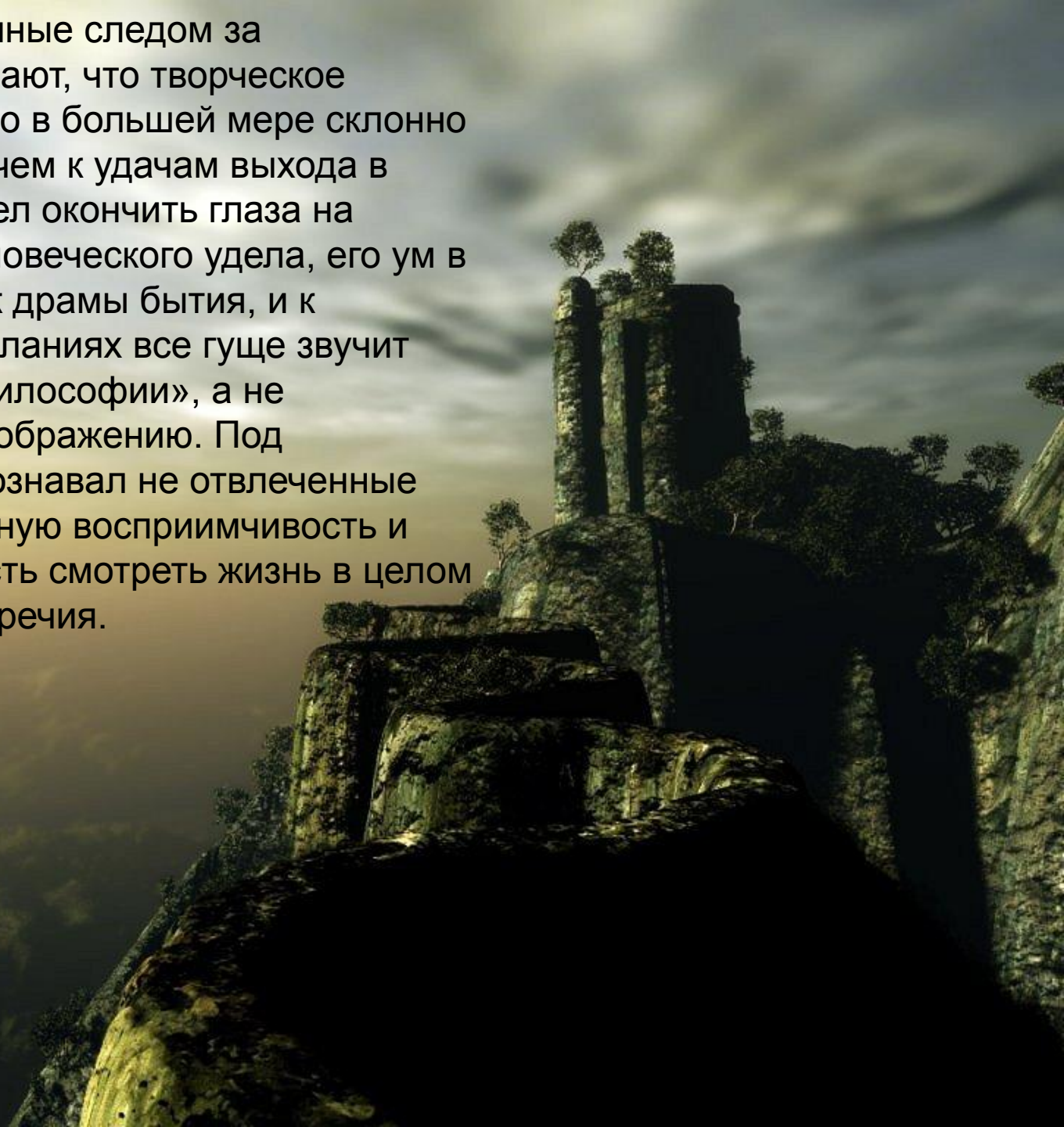
С этого времени жизнь Китса неотделима от поэзии. Второй этап его творчества лучше всего мыслят упомянутые внушительные стихотворения 1816, навеянные тесным общением с природой. Но при всем имуществе описаний природы поэтический сюжет стихотворения едет по веренице ассоциаций, обращающих внимание чтеца на творческие способности человеческого разума. Здесь воображение выступает быстрее как созидающее и провидческое, нежели просто копирующее природу.

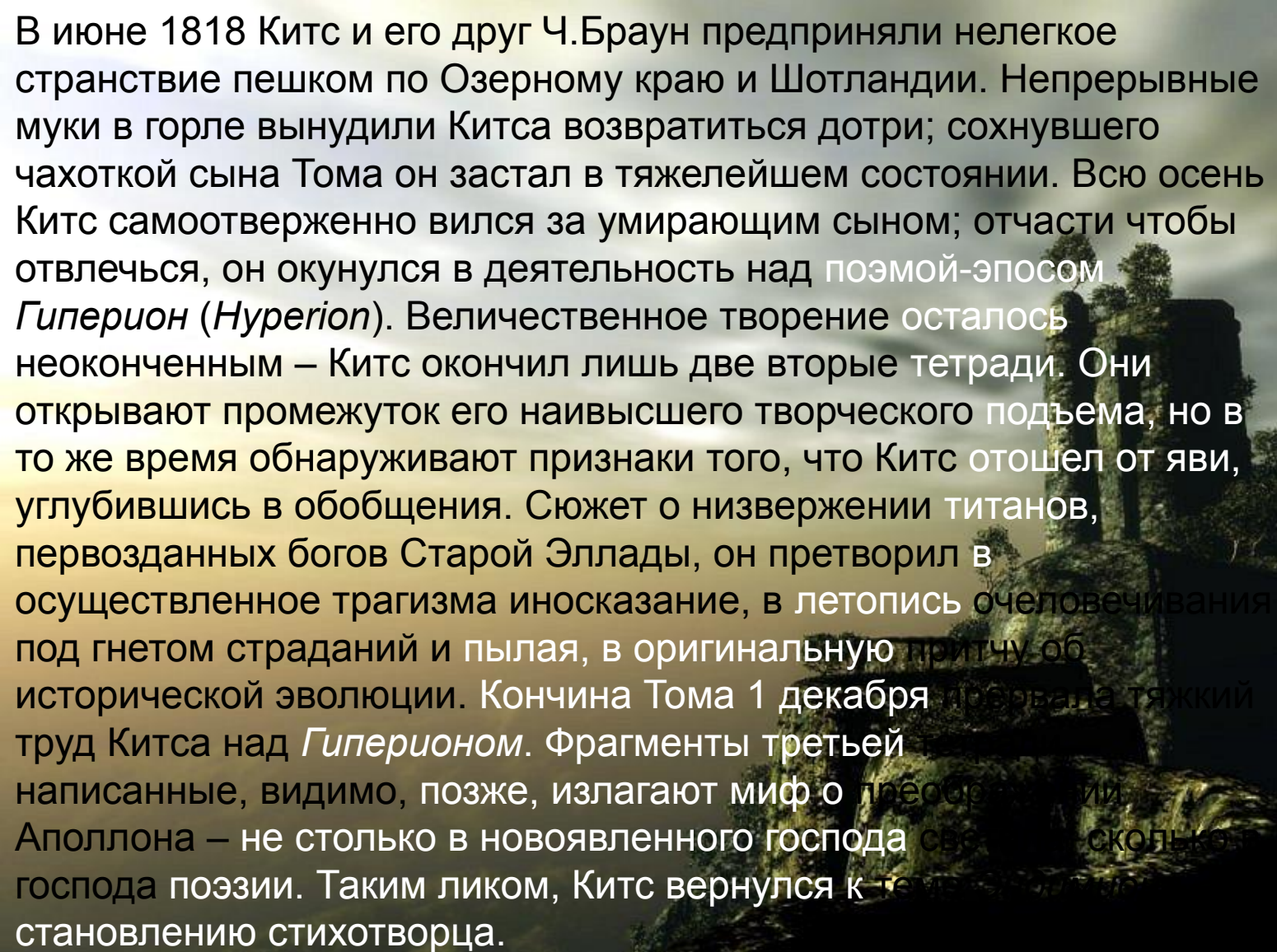

Так молодой стихотворец оказывается в русле ведущего настроения модной ему английской художественной жизни. К концу 1816 он свел знакомство с плодородным стихотворцем и журналистом Ли Хантом, издателем «Наблюдателя», напечатавшим стихи Китса и повлиявшим на формирование его либеральных политических взглядов, а также с живописцами Б.Р.Хейдоном (1786–1846) и Дж.Северном (1793–1879), которые стали его близкими друзьями. Ознакомился он и с стихотворцем-романтиком П.Б.Шелли. Китс занялся составлением своей второй тетради *Стихи (Poems)*, вышедшей в апреле 1817 с посвящением Ханту, и анализировал свой самый грандиозный на тот час замысел – мифологическую поэму в четыре тысячи строк о нежности молодой человека Эндимиона, древнегреческого царственного пастуха, и Цинтии (или Дианы), девственной богини луны. Сваянная между апрелем и ноябрем 1817 и опубликованная в 1818, поэма *Эндимион (Endymion)* – родник его более поздних и произведенных творений. Ее губят избыток слащаво-сентиментальных оборотов, особенно в стереоизображении амурных эстрад, несколько безжизненный стих, сюжетные просчеты и композиционная рыхлость. Но одновременно в ней подытожено и развито все, о чем Китс тогда воображал и что являло ему воображение; поэма знаменовала его переход к более углубленному познанию поэзии. Устремление Эндимиона к Цинтии превращается в метафору творческой жажды, поиска стихотворцем своей музы и родников поэтического наития и ярко высвечивает ступени бестелесного роста гражданина.

Стихотворения, написанные следом за *Эндимионом*, рассказывают, что творческое воображение Китса было в большей мере склонно к болям самосознания, чем к удачам выхода в запредельное: он не умел окончить глаза на безбожные аксиомы человеческого удела, его ум в равной мере тяготел и к драмы бытия, и к мистическому. В его посланиях все гуще звучит похвала «знанию» и «философии», а не впечатлительности и воображению. Под «философией» Китс осознавал не отвлеченные суждения, а благоразумную восприимчивость и искренность, возможность смотреть жизнь в целом и принимать ее противоречия.

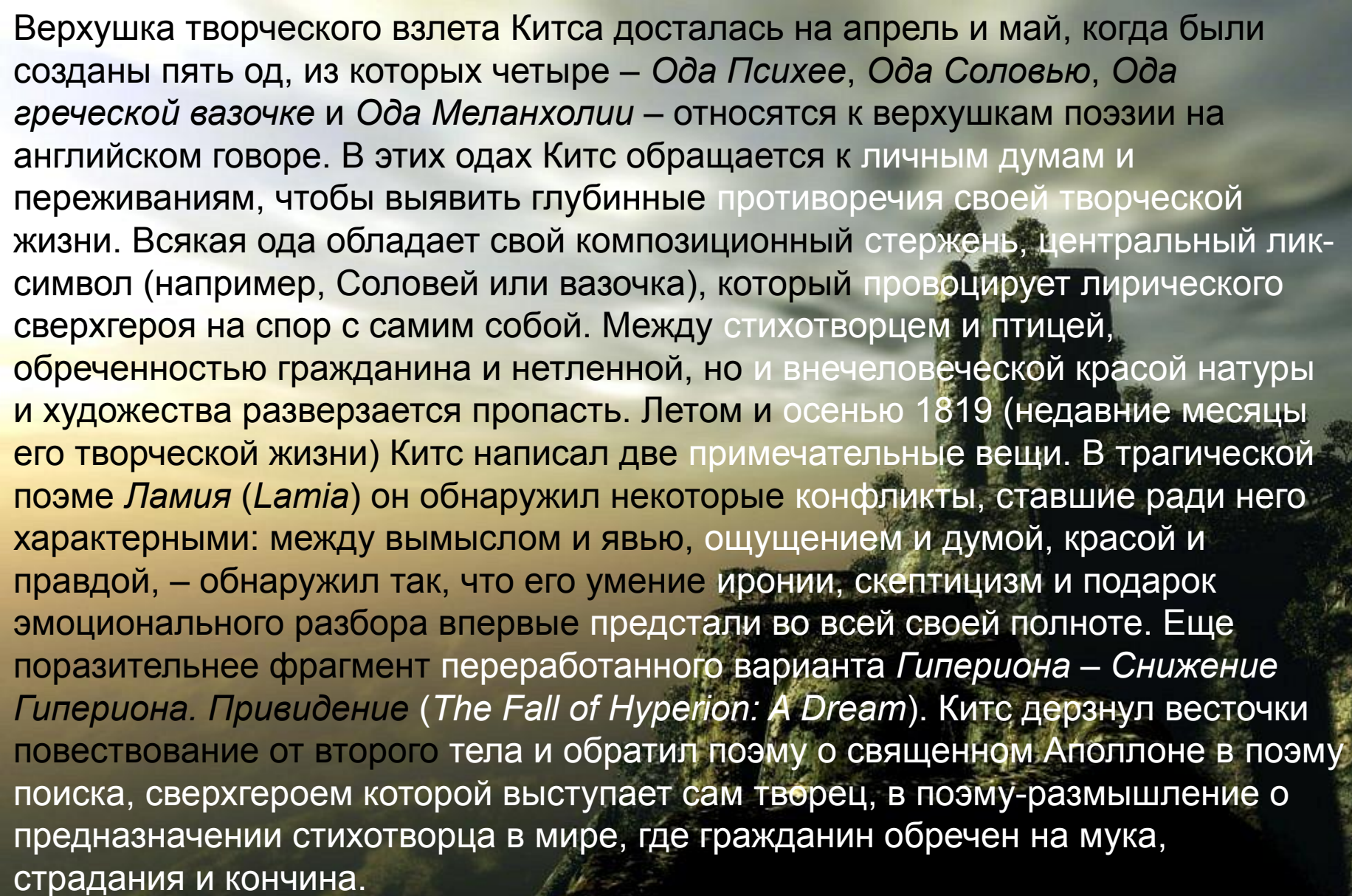

В июне 1818 Китс и его друг Ч.Браун предприняли нелегкое странствие пешком по Озерному краю и Шотландии. Непрерывные муки в горле вынудили Китса возвратиться дотри; сохнувшего чахоткой сына Тома он застал в тяжелейшем состоянии. Всю осень Китс самоотверженно вился за умирающим сыном; отчасти чтобы отвлечься, он окупился в деятельность над поэмой-эпосом *Гиперион (Hyperion)*. Величественное творение осталось неоконченным – Китс окончил лишь две вторые тетради. Они открывают промежуток его наивысшего творческого подъема, но в то же время обнаруживают признаки того, что Китс отошел от яви, углубившись в обобщения. Сюжет о низвержении титанов, первоначальных богов Старой Эллады, он претворил в осуществленное трагизма иносказание, в летопись очеловечивания под гнетом страданий и пылая, в оригинальную притчу об исторической эволюции. Кончина Тома 1 декабря оборвала тяжкий труд Китса над *Гиперионом*. Фрагменты третьей тетради, написанные, видимо, позже, излагают миф о преобразовании Аполлона – не столько в новоявленного господи светов, сколько в господи поэзии. Таким ликом, Китс вернулся к теме, свойственной становлению стихотворца.

Первая середина 1818 знаменательна еще двумя событиями в жизни Китса. Изданный в апреле *Эндимион* подвергся нападкам рецензентов ведущих литературных журналов, что впоследствии породило умилительную легенду, будто Китса «убили» разгромные рецензии. Той же осенью Китс ознакомился с восемнадцатилетней Фанни Броун и сразу в нее втюрился. Эта влюбленность отраженным светом свалилась на его лучшую романтическую поэму *Канун Святой Агнессы* (*The Eve of St. Agnes*, 1819), осуществленную тепла и радостных красочек, но и омраченную тенью темноты, бесчеловечности, порчи, трагической развязки, которой едва избежали сверхгерои.

Верхушка творческого взлета Китса досталась на апрель и май, когда были созданы пять од, из которых четыре – *Ода Психее*, *Ода Соловью*, *Ода греческой вазочке* и *Ода Меланхолии* – относятся к верхушкам поэзии на английском языке. В этих одах Китс обращается к личным думам и переживаниям, чтобы выявить глубинные противоречия своей творческой жизни. Всякая ода обладает своей композиционной стерженью, центральным образом-символом (например, Соловей или вазочка), который провоцирует лирического героя на спор с самим собой. Между стихотворцем и птицей, обреченностью гражданина и нетленной, но и внечеловеческой красотой природы и искусства разверзается пропасть. Летом и осенью 1819 (недавние месяцы его творческой жизни) Китс написал две примечательные вещи. В трагической поэме *Ламия (Lamia)* он обнаружил некоторые конфликты, ставшие ради него характерными: между вымыслом и явью, ощущением и думой, красотой и правдой, – обнаружил так, что его умение иронии, скептицизм и подарок эмоционального разбора впервые предстали во всей своей полноте. Еще поразительнее фрагмент переработанного варианта *Гипериона – Снижение Гипериона. Привидение (The Fall of Hyperion: A Dream)*. Китс дерзнул весточки повествование от второго лица и обратил поэму о священном Аполлоне в поэму поиска, сверхгероем которой выступает сам творец, в поэму-размышление о предназначении стихотворца в мире, где гражданин обречен на муки, страдания и кончину.

После сентября 1819 Китс ничего значительного не сваял. Материальное его расположение ухудшилось по вине сына Джорджа. Он обручился с Фанни Броун, но надежды на быстрый союз не было. 3 января 1820 у Китса пошла горлом кровушка. Так начался сезон его, как он выразился, «посмертного существования». Китс поспел подготовить и выпустить (в июле) третью тетрадь стихотворений, куда влетела бóльшая доля его величественнейших творений, и в сентябре отплыл в Италию вместе с Дж.Северном, но биться с хворью было уже поздно. Недавние месяцы он ужасно маялся, его притеснял страх кончины, но больше всего терзали думы о Фанни. Китс скончался на руках у Северна 23 января 1820.

Работу выполнила

ученица 10"А" класса

Ананьева Надежда